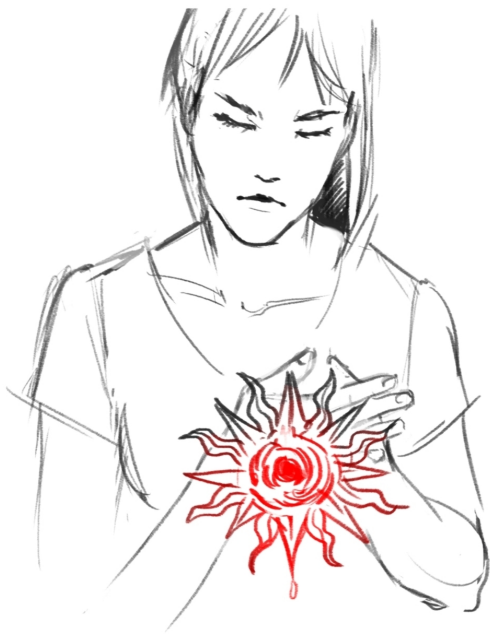

В ДРУГОМ РАЙОНЕ МИРА

АЛИНА ВИШНЯКОВА

12+

Алина Вишнякова

В другом районе мира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62785691

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03514-0

Аннотация

...Вчера еще было лето. Какие-то люди приходили чинить батарею. Потом пришлось проветривать (а лето вчера и закончилось) и мыть полы. Так хорошо никуда не ездить. Даже привыкаешь через какое-то время. Впрочем, скоро снова в путь. Города мелькают на пути из точки А в точку Б. Зато – точно знаю, куда хотелось бы однажды вернуться. Зато – я видела много облаков и много неба, знаков "пристегните ремни" и "не курить", железнодорожных путей с опаздывающими поездами, пока_холодных и еще_теплых сидений и поручней, помещений вокзалов, аэропортов, кофеен и туалетов, а также шоссе, подземок и людей, людей...

Содержание

В другом районе мира: в стихах	4
2004	4
2005	5
2006	8
2007	18
2008	24
2009	29
2010	39
2011	41
2012	46
2013	48
2014	51
2015	52
2017	54
2019	56
2020	59
В другом районе мира: в прозе	62
2011	62
2012	65
Конец ознакомительного фрагмента.	76

В другом районе мира: в стихах

2004

* * *

Меркнет свет, погасли свечи,
Опустел осенний сад,
Все, что хочешь, в этот вечер
Заберешь с собою в ад:
Кольца, диски, сигареты,
Фотографии, ключи
Звезды, поздние рассветы,
Воск расплавленной свечи,
Телефоны, сотни книг,
Пожелтевшие листы...
Все в один последний миг...
Все, что только вспомнишь ты.

2005

* * *

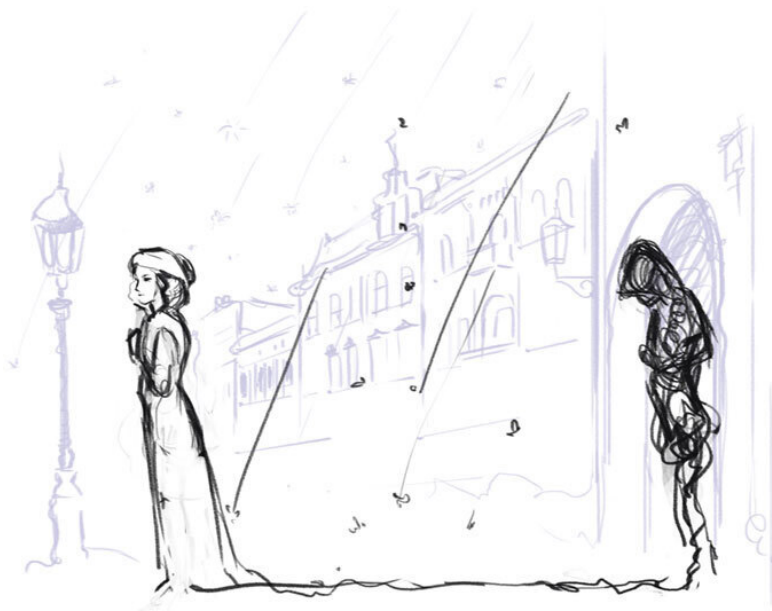
Ты не ответишь – я заплачу;
Пусть я все залью слезами,
Но если я хоть что-то значу,
Не сможешь ясными глазами
Смотреть мне вслед. Я не вернусь.
Но, если хочешь, на прощанье
Я дам любое обещанье.
А может, в чем-то поклянусь.

Восток

Я бескрайний, бескрайний Восток...
Сотни ритмов, пушистых ковров
У моих намозоленных ног,
И почти совершенных миров
Бесконечный, прекрасный поток...

Я бескрайний, бескрайний Восток...

Ты, должно быть, безумен от ран,
Раз так горько рыдаешь, пророк;
Раз шумит Мировой Океан
У моих изувеченных ног...

Сегодня

Мои уродливые, милые,
Вам нет конца.

Мои ползучие, бескрылые
И без лица...
Запомнят ли, забудут ли
В который раз?
Со мною холод раздели
Бесцветных глаз.
И вот по улицам пустым,
Где первый снег,
Брожу с непризнанным святым,
Он человек.
И он бескрыл, и некрасив,
И полубос.
Я бормочу, он молчалив.
На мой вопрос
Он не ответит... Тишина
Со всех сторон.
Беззвучный смех... И я пьяна,
И мрачен он.

2006

* * *

Худо, худо... Плачут вёсны...
Я на самом дне.
Если помыслы серьезны,
Думай обо мне.
Двадцать два часа волнений,
Два часа на сон.
Проживу без сожалений
Миг со всех сторон.

* * *

Из ста пламенеющих солнц за окном
Ты ярче и проще других.
И мрачное прошлое кажется сном,
Пределом ошибок моих.

И сколько бы раз ни стреляли в упор,
Я знаю, что выжить смогу.
А ты по утрам восходи из-за гор
Светить на моем берегу.

* * *

От меня ничего не осталось,
Даже памяти, горькой и тленной.
Воспаленное солнце – взорвалось,
Разметав естество по вселенной...

Все померкло. Насмешка ли это,
Я не знаю. Я вас – ненавижу,
Презираю. Продайте мне лето —
К вам с нижайшим поклоном. А ниже
Ничего больше нет...

Профиль

Откликнись. Я тебя любила.
И не умолкну – не боюсь.
Слова летят. Возьму белила,
Замажу окна – посмеюсь.

Потом на окнах забеленных
Твой профиль пальцем начерчу
И на ресницах опаленных

Гадать не стану. Помолчу.

И тишина. Скрипят качели.
Из детства звук, из детства миг.
Кто ты такой на самом деле,
Безликий вор, чужой двойник?

И вот все стекла в отпечатках.
Гляжу в просвет. В просвете – ты.
И дворник в хлопковых перчатках
Метет за окнами мосты.

Почти тридцатое. Суббота.
Упаковала мир за час.
Где точка нашего отсчета?
Кто верит в нас?.. Кто помнит нас?..

* * *

Плачу навзрыд. Начинает светлеть.
Больше меня никогда не тревожь.
Прошлой зимой я на тонкую плетть
Все променяла. И каждый похож
На продавца. Не унять потому
Не запретить, не испить синеву.
Чашу из рук равнодушных приму,

Все новолуния переживу
И не умру – никогда. Никогда.
Слезы просты, как вода. Благодать.
Не удержать красоты. Не беда.
И облегчения не передать.

* * *

После меня, Боже,
Будет еще небо?
Не отвечай – позже.
Мне бы огня, мне бы
Каменный столб с краю.
Там постоять – мором
Все извести. Знаю,
Что не вниму спорам
И голосам свыше;
Тем, кто внизу – тоже.
Будет еще тише
После меня, Боже.

* * *

Мы не оправданы высшими силами.

Кто нас возьмется сегодня судить?
Я не позволю. Останемся милыми,
Глупыми, детскими – воду мутить.

Там не о каждом из нас напророчено.
Все же теплее на том берегу,
Где я отсутствую временно. Сточены
Мысли и образы в черством мозгу.

Я овладею жестокими тайнами,
Как человеком без целых костей.
Ну почему мы становимся крайними,
Если из прошлого нет новостей?

Мы не оправданы. Суд – за бессрочностью.
Я никогда не признаю вины.
Мы не обязаны прошлому прочностью,
А потому ничего не должны.

Pia

Я жду тебя сегодня в пять
С твоими гулками шагами.
И хрустко будут танцевать
Осколки листьев под ногами.

Я спешно выйду на порог
И улыбнусь тебе украдкой.
Не понимаю, как ты мог
Остаться *до сих пор* загадкой?..

Танец

Давай смеяться громко, безудешно,
Как будто мы последние плясали

Под этим небом. Я не стала грешной,
Мне просто опротивели морали.

Я целовала землю – без оглядки,
И земляной остался привкус поцелуя.
Здесь, на свободе, все в другом порядке:
Я без него уже не существую;
Здесь, на свободе, старые загадки
Из мертвой крови делают живую!..
И только здесь мой танец всем понятен,
Они стоят и хлопают в ладоши
Цепочке мыслей, тактов, ритмов, пятен!..

Я обещаю снова стать хорошей
Когда-нибудь.

* * *

Я не боюсь бесчестий, драгоценный.
Кто задолжал мне все мои потери?
Витает дух, и ищущий, и тленный,
И каждый миг захлопывает двери.

Ты разве ждешь меня с семью ключами?
И кто сказал, что время лечит души?
Все только больше казней за плечами,

Все только в горле тяжелей и суше.

2007

Мысли

Весь этот бред нелепых снов,
Рассветов, шелка, серых дней
Всецело мой. Лишилась слов —
Лишусь и памяти своей.

Безбрежный чад в моей крови
Кипит и жжет. Кипит и жжет.
Я не сдалась – и ты живи:
Пока не лжешь – никто не лжет,

Пока стоишь – и я стою...
Врасту корнями в суть земли
И там доверчивость свою
Похороню – чтоб не нашли.

* * *

Я знаю, в ступени заложены мины

И мне только шаг до конца.
Я знаю значение каждой морщины,
Но не истолкую лица.

И каждую ночь я молилась о многом
За тех, кто меня не простил.
А бывший союзник вдруг сделался богом
И ставням скрипеть запретил.

* * *

Туманная ночь. Я не вижу огней,
Но знаю, что ты – впереди.
И с каждой секундой теплей и прочней
Становится камень в груди.

Трещит потолок – невозможно держать,
Душа разделилась на две.
Хороший и близкий, я жажду сбежать
От правды в моей голове.

Май

Сегодня май, последний май

Грохочет в дымке легкой пыли,
И город так похож на рай,
Что я злорадствовать не в силе.

А по ночам из дальних стран
Приносит ветер запах юга...
И каждый штрих в тебе – изъян,
Мой раб и трижды мой тиран,
Мы – отражения друг друга.

* * *

Я плачу о том, что тебя больше нет,
Что воздух мучительно пуст,
Что я не искала скитаний и бед
В стране извращенных искусств,

Что я не могу оглянуться назад,
Что в осень уже не вернусь...
Я плачу о том, что покинула ад
И больше его не боюсь.

* * *

Смирюсь с тем, что я тебя украла,
Что я жива лишь снегом за окном,
Что ненавижу осень, что мне мало
Раздора в окружении моем.

Смирюсь с тем, что это неизбежно —
Бездонные ущелья покорять
И улыбаться небу – горько, нежно,
И ничего в безумстве не терять.

Смирюсь с тем, что больше нет загадок,
Что череда запятнанных страниц —
Всего лишь установленный порядок
Внутри тобой очерченных границ.

Смирюсь с тем, что боль подобна боли,
Что все слова останутся за мной,
Что я смеюсь в саду своей неволи
Над каждой неразрушенной стеной.

* * *

О если бы так было каждый день,
Что я иду по улице домой
И все знакомо.

2008

Мой враг

Мой враг прекрасен и жесток,
Он никогда не врет.
Он спит ногами на восток
Уже который год.
В его глазах и смех, и муть,
Задорные грехи.
Он часто любит прихвастнуть,
Что жжет мои стихи.
Он также любит прикурить
От утренних огней
И целый день проговорить
О бренности моей.

* * *

Все исчезло за прежней истомой.
Посмотри, как беспечно смеется
Кто-то яркий, простой – и знакомый.

Это сердце, наверное, бьется
Во сто крат веселее и тише,
Чем мое. Ну а так – мы похожи.
Он немного светлее и выше,
Он немного бессмысленней тоже.

* * *

Ты ничего не знал наверняка
О том, чем я была и кем я стала.
Пожалуй, я сошла с ума слегка,
Но мне тебя ужасно не хватало
Примерно три-четыре раза в год.
А хочешь, по секрету, между нами?..
Я поняла, что время не идет,
Будильник притворяется часами —
Трещит исправно. Ровно в шесть утра.
И этому коварству нет предела.
Мне кажется, мы виделись вчера?..
Нет, год назад.
Нет, два.
Какое дело!..

* * *

Слишком поздно, милый, поздно, отрицать все то, что было;

Из-за туч довольно грозно мне мурлыкает гроза.

Я люблю не так уж много, остальное – мило, мило,

И тернистая дорога – неживая полоса.

За углом все так же странно, громко каркают вороны;

Сколько можно неустанно повторять тебе одно?

Я такая, мне все мало, у меня свои законы —

И по ним я потеряла то, что было мне дано.

* * *

Все то, что случилось, оправдано нами

В условиях вечно неравной войны.

И если мы утром проснулись богами,

То в чем всемогуществе больше вины?

* * *

Пусто, пусто. Первый лед.
Я иду куда-то там
С кем-то там – и он идет,
И бормочет по слогам,

Для чего пришел ко мне.
Мне смешно, но я иду
Сквозь метель как в полусне,
Полусне-полубреду.

Странный, бедный и больной,
Глупый-глупый человек,
Хорошо, что ты со мной
Так встречаешь первый снег.

Ты в проклятиях моих
Словно елка в новый год.
Напиши об этом стих,
Будет все наоборот.

2009

*** * ***

Беспольное, мудрое, вечное.
За тобой не хожу – не гляжу.
Что-то есть на губах бессердечное —
То, что в жизни тебе не скажу.

*** * ***

Мой милый беспощадный друг – тебя устанешь ждать.
Я скоро стану тишиной за именем твоим,
А дальше, знаешь, ничего – и нечего отдать
Таким, как ты, моим друзьям, бессовестным таким.

la amargura

найди себе женщину,
похожую на десятилетнюю девочку.

послушай ее дыхание.

и каждый раз думай о том,
что не сбылось
твое вечное детство.

* * *

Наполнить звуком, вздохом, фейерверком
Бульварную слепую паранджу,
Надеть лицо, глаза – по этим меркам
Ни на кого уже не похожу.
Захлопнуть ставни, дверцу секретера,
В гремучей темноте считать до ста,
Приветствовать тебя, моя мегера,
Словами из расстрельного листа.
И улыбаться – всем, напропалую,
Насколько хватит совести и зла.
Писать, как прежде, «я тебя целую»,
Не отвечая, как мои дела.

* * *

Твоей любовью вымостят

Мою дорогу в ад
И все проступки выместят
Три вечности подряд.
Я знаю все заранее,
Но не ищу конца —
Нелепое заклятие
Истлевшего тельца.

* * *

Моей тоске нет ни конца, ни края,
Но знаешь, хоть на скуку не похоже.
Я в стороне от пасмурного рая
Камнями забросала двух прохожих.
В тебе гудит бесцельное коварство —
И оттого полно какой-то мути.
Я полдуши отдам в обмен на царство
Твоей – аминь – неприменимой сути.

* * *

Витринно-магазинный ряд.
Дождливо, серо и уныло
В бетонной сырости горят
Недонебесные светила.

Каких-то глаз, каких-то рук
Соединение кривое,

И голосов какой-то звук
Берет за самое живое.

* * *

Я выдыхаю каждый вдох
Двумя различными путями
И чью-то жизнь с шести до трех
Переполняю новостями.
А после трех – молчу, молчу,
Чтоб на молчаться до восхода;
Как будто все мне по плечу:
И несвобода, и свобода.

* * *

Изогнуты улицы спальных районов
Причудливой полудугой.
Бредет по вчерашним следам почтальонов
Простывший почтовый изгой.
И будто бы нет никакого начала
У самого важного дня.
И кашель, и тяжко, и воздуха мало,
И всё, как назло, – у меня.

* * *

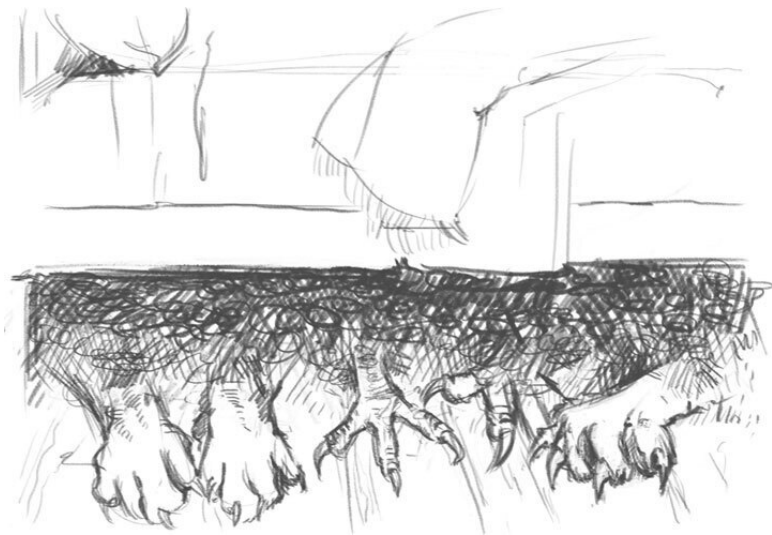
Все спокойно. Часы не идут.
Ты и я – измерение века —
На минуту, на пару минут
Подавили в себе человека.

Не дыши. Я тебе помогу.
Окажи мне такую услугу —
Как, на самом-то деле, врагу
И последнему верному другу.

* * *

Сентябри зашкалили – и хватит,
Все как будто хуже, чем вчера.
Впрочем, в первых числах что-то платят
Это – греет с самого утра.

Ну четверг. Настал – и слава Богу.
Чашкой чая больше на столе.
То ли я старею понемногу,
То ли все исчезло на земле.

* * *

В спальне настежь распахнуты двери,
и сквозняк шевелит тишину.
Под кроватью готовы ко сну
незнакомые черные звери.
Сладких снов, беспокойные звери.
ждали снега.

* * *

Не ноябрь – какая-то пресная мутная тишь.
Первый снег – основная причина для телеэфира.
Не бездействуешь, просто уютно без дела сидишь
На краю безнадежного, старого, ржавого мира.
Почему-то все время болит и болит голова
У лохматой бесчувственной тени в соседнем квартале.
Не опомнившись, тает почти неживая Москва,
Распадаясь на воду, известку и все остальные детали.

* * *

Опять безучастно скрипят где-то там во дворе
Качелями тоже-ведь-люди от трех до шести,
И если смотреть не на ветки деревьев, жаре,
Казалось бы, явно и место и время цвести.
И если смотреть не на низкое небо, бордюр
Сухой и по-летнему блеклый, вотрется в мотив
Отличного лета. Из всех ненакрашенных дур
У этой, пожалуй, – совсем никаких перспектив.
Но впрочем, не будем о важном и остром теперь.
Так что? Безучастно скрипят с полусотни сторон
Качелями дети. И в такт – деревянная дверь.

И если смотреть не на старый диван, то и он.

2010

* * *

Прошла себя за полчаса до двух.
Предел владений, как вершина Эвереста,
Отмечен белым флагом: время, место
И совокупность сказанного вслух.
Давай иначе: я умру нескоро,
Засяду сразу за пятнадцать неотложных,
Нет, пятьдесят безумно срочных дел
(за самые большие из возможных),
Не отвлекаясь на пустые разговоры.
Тогда посмотрим, есть ли мне предел.

* * *

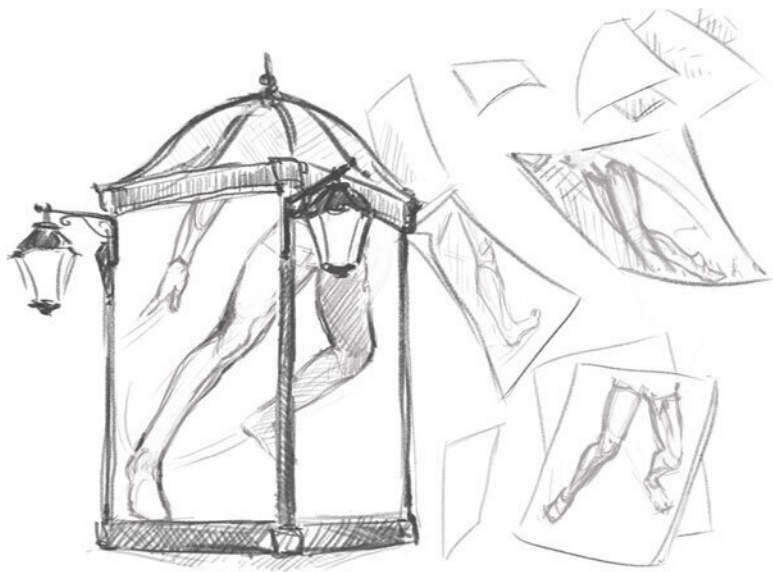
Так хорошо терять былую хватку,
Скорей бы потерять ее совсем,
И по ночам в прохладную кровать
Не приносить во сне запретных тем.

Отдельно подчеркнув, что я не гений,
Продлить на год студенческий билет —
И запихать макеты приключений
Под кресло, как спасательный жилет.

* * *

Специально брожу по знакомым местам,
прикасаюсь к знакомым вещам —
чтобы стало неважно, ты здесь или там,
в поколении новых мещан.
Чтоб сместиться на день, на сезон и на год,
повторяя привычный маршрут,
и забыть, что проклятое время – идет,
что мое уникальное время – идет,
и в принцессы уже не берут.

2011

Бег

Я тебя продолжаю встречать по утрам на проспектах,
В веренице знакомых и слишком знакомых прохожих,
На рекламных щитах, на журнальных листах; среди тех,
кто

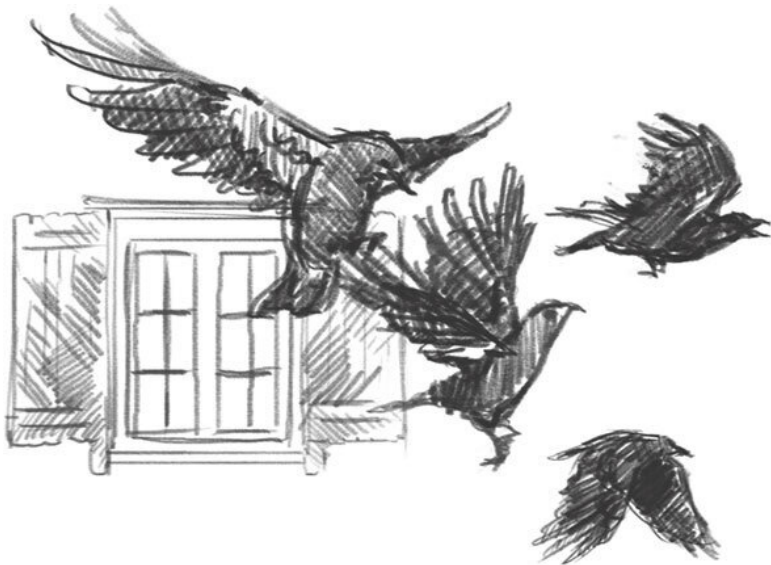
Совершенно другой, но умеет смеяться похоже.

Я в бегах, на бегу и готовлюсь к пробежке на старте —
В параллельных мирах, параллельно в десятке галактик.
И меня, может быть, на рассвете в какой-нибудь Спарте
Просто сбросит со скал дальновидный дряхлеющий
практик,

Остановит мой бег.

* * *

Нет, здесь не курят. Отойди на перекур,
Не тереби в руках салфетку, пачку, ложку.
И не надейся, что из всех знакомых дур
Меня за жизнь сложить удастся понемножку.
На ярком фоне мировых абсурдных склок
Не сочинять стихов и проз теперь занятно.
По выходным умею – глядя в потолок —
Не обращать внимания на трещины и пятна.
И засыпаю плохо.

* * *

Вот, принцесса моя, у тебя слишком тонкие ручки,
и я вижу насквозь, из чего состоит твое племя.
Между тем, мне осталась неделя до новой полочки:
и тогда попируем, тогда заживем – и не время
говорить о тревожном, печально закатывать глазки.
Не тревожься, наладится, будет, придет, успокойся.
Лучше выйди во двор, оцени киноварные краски
и послушай, как птицы кричат...

и послушай, как ставни стучат...
и не бойся.

* * *

а у тебя такие теплые манжеты
и не хватает денег на перчатки.
и каждый месяц – новые сюжеты
в твоей несуществующей тетрадке.
а я все здесь – в другом районе мира.
я буду вечно здесь – в другом районе мира.

* * *

говорят, нам осталось всего ничего до последнего дня.
так значительно проще, удобнее; все, наконец, измеримо.
ну и что, что меня отберут у тебя, а тебя – у меня?
все равно по утрам мы с тобой регулярно расходимся
мимо.
все равно мой единственный дом будет пущен на самое
дно
потеплением климата, таяньем льдов, переменой
гольфстрима.
по сравнению с этим – пускай происходит все то, что

должно:

в революциях сна, отношений, в других элементах режима.

2012

* * *

однажды случайно проснулась не там:
предметы другие и пахнут иначе.
порядок, расставивший все по местам,
меня от привычного хаоса прячет.
но снова любое распустье – подлог,
одна колея все маршруты прогрызла.
и мы по краям – по велению ног,
которым нет дела до здравого смысла.

* * *

Смотри, у нас по-прежнему дождливо,
как в январе. У нас, считай, январь.
Они – их много – пьют живое пиво
и проклинаят местный календарь.
Меня – немало – впрочем, не хватает
на полстатьи среди твоих страниц.
Я – уменьшаюсь. Мир – располагает

УНЫЛЫМ СХОДСТВОМ НЕЗНАКОМЫХ ЛИЦ.

* * *

и нас больше нет: никакого надлома,
ни счастья, ни скорби на розовых лицах.
как прежде – знакомы, открыто – знакомы
на всех социальных доступных страницах.
за долю секунды, в течении чата
мне стало известно, до жути известно,
что нас не случилось; точнее, когда-то
все было кошмарно, а больше – прелестно,
и, в общем, неважно.

2013

* * *

Вокруг очень много пустого пространства:
высокие стены, скрипучие двери.

Прекрасно, поймали – я просто не верю
в возможность осмысленного постоянства,
с набором его непреложных законов:
когда моешь окна со сменой сезонов,
в подвале хранишь ящик елочных шишек,
по имени знаешь соседских мальчишек —
и прочее. Хватит. Я выплусь неплохо,
затем – прорасту (без боязни подвоха)
во всем, что вокруг.

* * *

Что же, повод отметить – я, впрочем, давно разучилась
Придавать слишком много значения датам и людям,
Переигрывать то, что случилось и что не случилось,
Верно – кем бы мы ни были, больше мы этим не будем.
Я не буду ребенком, я выскребла всю свою детскость
Из оставшихся кадров в мозгу, из заметок в тетради.
Я храню ее там, где нелепа рутинная вескость,
Для родителей; снов, впечатлений и радостей ради.
В остальном – захожу, как корабль, в просторную гавань,
Регулярно заимствуя ключ от безмолвного дома.
У меня пауки и цветы; жалюзи вместо ставень,
И немало историй о том, что мне было знакомо.

* * *

Бродит-бродит негромкое эхо по моим – не моим –
закоулкам,
по паркетным скрипучим дощечкам, ударяясь о двери и
окна.

Я сижу с видом снизу на небо. В голове и помпезно, и
гулко
бродит то же негромкое эхо, что и в каждой из замкнутых
комнат.

У меня очень длинные утра, забываю уснуть в
промежутке:

пролетая с востока на запад, я встречаю четыре рассвета
одной порцией черного кофе за одни неистекшие сутки.
Слишком быстро уходят минуты, несмотря, впрочем,
даже на это.

2014

хорошо иметь возможность
быть к чему-то не причастным,
для чего-то не пригодным —
и чего-то не уметь;
соблюдая осторожность,
жить по правилам негласным,
называть себя свободным —
и в покое умереть.

2015

* * *

Если я не спрошу, то никто не ответит и даже наше сердце – тук-тук – никого не найдет на пороге. Наш мирок – это что-то, прообраз пустого мирка. В нем у нас выдается бесчисленный вечер сурка: все одно, все знакомо – и мысли, и сны, и тревоги. Спи спокойно, мы будем как прежде на страже.

* * *

Есть час на бессонницу: надо с расчетом использовать время; с расчетом, с расчетом — на все, что досталось и кровью и потом, уже невозможное в завтрашнем дне. А я разучилась сражаться напрасно, стремиться и верить напрасно, напрасно в иначе решенное кем-то негласно, по-прежнему искренне нужное мне.

* * *

За углом, мне казалось, еще продавали газеты и воду,
Это было вчера, а сегодня там новый набор декораций.
Заявляю открыто: в моем городке изменили погоду,
Расписания, запахи, звуки, составы профессий и наций.
Мой язык изучить, уверяю, не то чтобы просто – не
сложно.

Он теперь пригождается редко, увы, но, надеюсь, замечен
Где-то в самой глуши, на подкорке, в нетронутом виде,
возможно,

А возможно, и в лучшем, чем в прежние дни – и по-
прежнему вечен.

2017

* * *

Мой край света все дальше, за ним очень трудно угнаться:
девяносто ступеней, прерывистый сон по ночам,
десять тысяч шагов, или даже, пожалуй, пятнадцать —
от двери до двери, узнавая замки по ключам,
переулки – по плитам, часы – по сопенью младенца.
Мой край света все дальше. Я думаю редко о нем,
только долю секунды, уткнувшись лицом в полотенце.
Все исчезло, я так далеко. В остальном —
три часа в самолете и двадцать минут на машине.

* * *

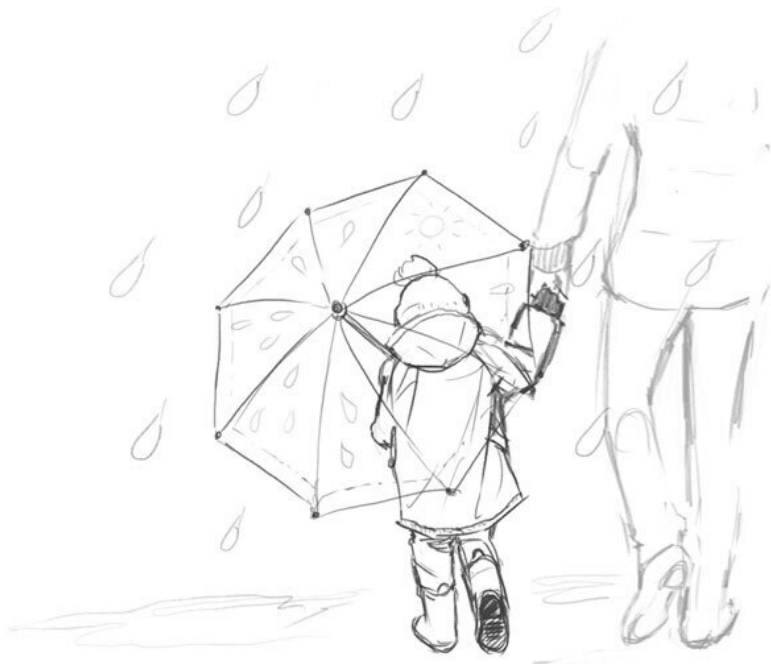
Твой город при туманном свете дня —
без памяти, без гордости, без смысла —
размеренно отсчитывает числа,
как кольца на замшелом срезе пня.
И все вокруг – открытая витрина —
без споров, без иллюзий, без преград —

путей вперед и отступов назад
в пространстве удивленного Берлина.

2019

* * *

за окном мог бы быть любой город,
с теми же дээмами, автобусами, аптеками,
такое же Рождество, промозглый холод,
небо, раскрашенное фейерверками.
кокон моей суеты прочнее прочности,
местность размечена выходами, остановками,
ты спросишь, к чему ландшафту такие почести?
а я скажу, невозможно быть бесконечно ловкими
и всегда изобретать новые пути отступа,
проверять, бьется ли сердце, с собой ли ключи,
документы,
а потом уходить в неизвестность, наткаться там сослепу
на дээмы, аптеки, автобусы и прочие элементы.

* * *

привычно ни о чем значимом не думаю, предвкушаю жару,
барабаню пальцами по стеклу, смотрю на розовое небо,
остерегаюсь перемен, не сожалею, не стесняюсь, не вру,
слушаю, как она жует мякиш своего любимого хлеба,
не считаю дней, они улетают, что их считать,

не ищу друзей, они сами находятся – правда, все хуже,
не схожу с ума... не пишу о себе ни в блог, ни в тетрадь,
вообще не пишу... зато научила ее перепрыгивать
лужи —

и это, пожалуй, одно из лучших моих достижений.

2020

* * *

Я лежу в твоей комнате, потому что мне здесь лежится спокойно.

Уютно шумит увлажнитель, но ты все равно дышишь ртом -

Значит, мне надо встать, повернуть тебя, раскинувшуюся вольно

На бочок. Это тоже – занятие. Остальное будет потом.

Сон потом, страхи потом, куча неделанных дел – потом, это не главное.

В принципе, нет ничего главного, только этот момент, в котором мне не страшно, не больно.

Я сделаю когда-нибудь, а может, не сделаю, нечто великое и славное,

А сейчас мне просто надо повернуть на бочок тебя, раскинувшуюся вольно.

* * *

you stayed with me through distances and sorrows,
now let it be and be that as it may.
we fight a war of different tomorrows
by overcoming every single day.
in fact, we own no places worth a tear,
in fact, we take too little for a fact.
two duties left: the house that I steer
and keeping all my memories intact.

* * *

– Узник, привет, привет!
– Привет, привет, лето!
– Тебя что-то нет.
– Тебя тоже нет.
Ты знаешь, как странно это?
– Ну как же, смотри, смотри,
я тянусь от самого неба
до самой входной двери.
– Лето, я посмотрел бы,
но дверь открыть не могу.
Здесь моя крепость, мой дом.
Лето, ты теплое, лето?
– Очень. Я за окном,
выгляни после рассвета,
Я тебе помашу на бегу.

В другом районе мира: в прозе

2011

Пью четвертую кружку ромашкового чая. Вокруг – хаос, который надо уложить в два чемодана.

Вещей, на самом деле, не так уж много. И укладываются они очень компактно.

Стояла у шкафа, выбирала, что возьму – и тут меня настиг девчачий разлом мозга из серии "и эту кофточку, и эту, и эту, и вот эту, и таблеток от жадности". Усилием воли подавила в себе девочку и взяла только самое практичное из красивого.

А если честно, наибольший хаос – в голове. Вот где настоящая разруха.

Ковентри, Англия

Иногда я очень завидую людям, испытывающим что-либо (по той или иной причине ценное и значимое для меня) впервые.

Жаль, что в некоторые моменты прошлого уже никогда не вернуться. Вовсе не для того, чтобы что-то менять, а просто так – пережить заново собственные ошибки. Или не ошибки. Так, как это возможно только в самый первый раз.

Жизнь – безумно скучная штука, когда в ней все узнаваемо.

Это я не к тому, что моя жизнь – безумно скучная. Ни в коем случае. Я за эти три недели вне родины узнала о мире больше, чем за последнюю пару лет.

Это я так... про абстрактное.

Аутотренинг

– Я хочу влюбиться.

– Бывает.

– Нет, ну правда. Чтобы как весной. Сердце стучало, колени дрожали, лишнее слово сказать было неловко.

– Выпей поллитра эспрессо.

– Фу.

– Что "фу"?

– Я тебе про любовь, а ты мне про хрень всякую.

– Правда?

– Что "правда"?

- Правда что?
- Тьфу. Иди к черту.
- И как, есть кто-нибудь на примете?
- Был бы, влюбилась бы.
- Прямо сразу?
- Прямо сразу. Вот с первого взгляда.
- И коленки бы сразу задрожали?
- Я за свои коленки не отвечаю.
- Как так?
- Что "как так"? Не морочь мне голову.
- Ну хорошо. Но зачем влюбляться?
- Как зачем? Ну чтобы это... сердце стучало.
- А сейчас не стучит?
- Стучит. Просто не так.
- Не как?
- Не поспешно. Не радостно.
- А после эспрессо?
- Ты можешь хоть что-то воспринимать серьезно?
- Куда уж серьезнее. Ну а кроме сердца?
- Чтобы жить хотелось.
- А сейчас не хочется?
- Хочется.
- И в чем подвох?
- В чем?.. Да ни в чем. К черту. Все равно никого нет.

2012

Решила перечитать свои стишки за последние 7 лет.

Надо сказать, в шестнадцать я уже писала неплохо, хотя очень надрывно. Из серии всегда-никогда-радость-кошмар-прекрасно-ужасно. Сейчас это выглядит забавно, а тогда, помнится, было и вправду невесело. Мягко говоря.

Две недели, проведенные в Москве, успели вынуть из меня душу и вложить ее заново, но только уже наизнанку. Поэтому теперь, немного отдышавшись, вынуждена признать, что то ли потеряла былую хватку на английских землях, то ли мне действительно больше нет места на родине.

Второй вариант более вероятен, потому что в вопросах хватки – это как с велосипедом, разучиться нельзя. Да и не ахти расслабленный образ жизни я тут веду.

Дивный новый мир.

Мой местный индийский приятель, углядев сегодня фотографию, на которой мне шестнадцать лет, признался мне в любви на французском.

И, честное слово, все это было бы смешно.

Про все стадии детства

Я скучаю.

По детству. По бабушке с дедушкой. По бабушкиным песням, математике и дедушкиным присказкам на молдавском. По тому, как по утрам звенел собор за окном, и это значило, что наступило утро.

По петербургским колодцам – когда просто заглядываешь в арку, проходя мимо.

По московской весне, когда все еще учишься, но еще не работаешь, и есть возможность ее засвидетельствовать.

По московским бульварам в начале лета.

По хорошим книгам и неспешному чтению (когда это было – не припомню).

По бессчетному количеству "первых раз": начиная от первого путешествия из школы домой без сопровождения и заканчивая первым... даже не знаю. Первым января этого года.

По задуванию свечек на торте в день рождения. И чтобы рука бойцов не уставала вытаскивать потом эти свечки.

По зиме, в которой можно было оставлять отпечатки на снегу, и все друг друга любили.

По друзьям.

По крымскому соленому озеру и дороге к нему.

По запаху свежей корицы на Измайловском бульваре на закате – когда там еще пользовались корицей.

По диафильмам.

По какой-то всамделишной радости, которая точно случалась в моей жизни.

По ощущению счастливой принадлежности месту, времени или даже человеку.

По ощущению защищенности и безопасности.

По спокойному еженощному сну.

По времени, когда можно было быть ребенком, не пытаясь им не быть.

По творчеству.

По запаху дома.

По лицу, каким я его помню.

По МГУ и нашим ужасно важным и никому не нужным предметам.

По вытаскиванию себя по утрам из постели раньше родителей, чтобы попасть в ванную и ни на кого не наткнуться.

По тому, как я влюблялась.

По Парижу, когда все еще было не зря.

По здоровью.

По всему тому, что нелегко далось, и еще больше – по тому, что не далось вообще.

По возможности позволять себе быть беспечной.

По чувству, когда и хочешь иметь детей, и боишься случайно забеременеть.

По ощущению чуда.

По мгновению до.

Выпал снег

Восторги населения не поддаются описанию – особенно местных из Индии и Пакистана. Хором (и задорно подмигивая) сообщают, что уж мне-то к снегу не привыкать. А глаза бы мои на него не глядели. Боюсь только, что накроется все функционирование королевства медным тазом, если осадки не прекратятся в ближайшее время.

Про ДСВ

Вяжу на День Святого Валентина большую круглую красную салфетку с сердцами. Чтобы я знала, как я меня люблю. Упиваюсь жалостью к себе, проще говоря.

Но салфетка получается прелестная. Довяжу и украшу прикроватный столик.

* * *

Иногда жалею, что во мне – ни капли еврейской крови. Почему-то тянет в Тель-Авив восстанавливать корни, ко-

торых у меня нет.

А что, было бы замечательно. Из меня бы получилась чудесная еврейка. Готовлю прекрасно, уболтать могу любого, и очень хочу большую, теплую, любопытную семью.

Про девочек

Почему-то люблю читать сообщество для беременных.

Это как в детстве, ходишь с родителями по хозяйственному магазину и смотришь – вот такая чашечка у меня будет дома, вот такая стиральная машинка, вот такая кроватка. Это уже про *свой дом*.

А еще в Сочи, мне лет двенадцать – еду в желтой газели-маршрутке, тепло, лето, шлепки на ногах, пятки пыльные. И садится какая-нибудь юная мама с детенышем. Детеныш в платьице (или в шортиках, если мальчик), а у мамы такой маленький потрепанный летний кошелечек на молнии. С бабочками. Она детеныша держит на коленках, а сама вынимает и передает монетки за проезд. И до того это уютно, не передать.

И вот я начинаю думать, что когда вырасту, обязательно такая буду. Прямо восемнадцать исполнится, и тут же

квартиру сниму и ребенка заведу. А потом думаю, квартира-квартирой, а для ребенка еще один участник нужен. Ну тогда в крайнем случае удочерю.

Впрочем, это было не от желания играть в куклы. С куклами у меня как-то по жизни не складывается.

Хотелось стать участником всех этих моментов. Когда выбираешь обстановку для дома, когда едешь с дочкой на пляж и платишь за проезд, когда в поезде на нижней полке можешь прислониться к чьему-то плечу – и закрыть глаза. Когда пишешь в сообществе про свои микро-ощущения и макро-страхи. И вас таких много.

Это, в общем, даже не фаза жизни, которой я завидую, а, скорее, какие-то эпизоды женского бытия, мне не особо доступные.

Прошу прощения, если слишком личное. Но про общественно-животрепещущее сейчас кто только не пишет. И все одно и то же.

Немного эмигрантских размышлений

Столько всего в жизни происходит, что даже начинать говорить об этом не хочется.

В нашем королевстве забыли включить лето. То есть по моему мнению, как был январь, так январь и остался. Хотя в январе – при примерно тех же температурах – мне все время было ужасно холодно. Сейчас ничего. Окошко даже открываю.

Нет, сегодня-то неожиданно +20. Но через пару дней опять +14.

Впрочем, бывалые местные жители утверждают, что такого отвратительного лета не припомнят за всю свою жизнь, полную промозглых английских деньков. А это значит, что мы уверенно движемся к остыванию Гольфстрима, глобальному изменению климата, параду планет и пресловутому двадцать первому декабря, в которое я как-то не верю.

Кроме погоды в моей жизни много-много работы и много-много учебных проектов.

Любовь тоже есть, она меня окружает в лице самых неожиданных людей.

После почти года обучения в Англии потребности несколько изменились. Во-первых, вместо мира во всем мире я хочу свою кухню и свой холодильник. Мои соседи на-

столько прожорливы и неаккуратны, что в холодильнике мне хватает места на упаковочку сыра, а на кухне я предпочитаю находиться не больше пяти минут за один заход.

Потом надо выходить, дышать свежим воздухом, смотреть на красивые вещи, проникаться снова верой в человечество – и, возможно, предпринимать новый поход. Хотя из упаковочки сыра кроме, собственно, сыра ничего не состряпаешь.

Можно тертый сыр или плавленый. Или рубленый. Так и живем, с небольшими лирическими отступлениями.

Во-вторых, я хочу свою ванную. Санузел, не побоюсь этого слова. То есть моя соседка по ванной – опрятная такая китаяночка, но ее длинные черные волосы мне немного осточертели. Они забивают раковину и вообще.

А еще туда забегают разные насекомые. В смысле, не только пауки и тараканы. Поэтому иногда утро начинается с жертв.

В-третьих, мне нужно пространство, а не этот милый шкаф, в котором я живу. Я как-то перешагнула страсть к студенческому экстриму. То есть я человек творческий и гибкий, но скоро начну стареть и поэтому некоторые компромиссы встречаю без прежнего рвения.

Впрочем, шкаф неплохо отапливается, что в Англии – на

вес золота.

В-четвертых, учеба мешает работать. Но это даже пояснений особых не требует.

В-пятых, положение эмигрантской невесомости, когда вернуться никак нельзя, а остаться пока не имеешь подтвержденного права, конечно, забавляет до определенного момента и воспитывает дух, выносливость и повадки сомалийского пирата, но постоянно жить в осознании того, что тебе нигде нет места, как-то неуютно.

В-шестых... ох, Боже мой.

На самом деле, я рада, что уехала. То есть я об этом ни секунды не жалела. Даже если в итоге все обернется концом света, главное, что я обрела – это возможность быть собой, несмотря ни на что.

А это довольно неплохая штука.

Про город

Влюбилась в город. Как в человека. Я в людей давно не влюблялась, все недосуг.

Вот иногда бывает такое – думаешь о городе, и сердце стучит быстрее, и как-то ноет, и очень хочется поскорее туда вернуться. Хотя меня там, в общем, никто не ждет.

Но меня ждут неровные улицы, и звон колоколов в 6 часов вечера, и добрый азиатский дедушка, подаривший мне яблоко, и запах кофе и черного хлеба, и пропитанный зеленью озерный ветер, и крики чаек, и дождь – очень сильный, и синее-синее небо, какое бывает только над морем, когда моря нет, и высокие потолки моего ненастоящего дома, и литературный выговор местных жителей, и – о боже – никакой смеси акцентов, и теплое чувство принадлежности месту, времени, истории и жизни.

Простите.

Про сегодня

Мир вокруг – череда дедлайнов, сроков годности, сроков действия и points-of-no-return.

Эпизоды, сюжеты, мгновения, все сливается воедино. Мой день начался давным-давно; и да, где-то в районе полудня было море, но время обеда еще не наступило.

Когда это все закончится, наконец, надо будет ненадолго

остановиться и подождать, пока астральное тело воссоединится с физическим. В том смысле, что я не успеваю сама за собой. Потерялась в одном из аэропортов и так и брожу по дююти фри среди вещей, которые все равно не могу (да и не хочу) себе позволить.

Иногда очень не хватает второй меня. Да и чего уж тут, я не так люблю одиночество, как могло бы показаться. В моей студенческой каморке одиночество – это и счастье, и единственный вариант существования, но там, снаружи, в мире съемных квартир и собственных ваннх комнат, уже хочется делиться территорией с кем-то близким.

А еще почему зря пропадает все мое писательство. Но в этом есть нечто такое эмигрантское, не правда ли.

Тишинааа. И словно не было этого рассвета вчерашним утром, не улыбались разомлевшие на солнце греки, не шумело слишком соленое море, нас не принимали за местных во всех магазинах, а эта милая желтоватость кожи – не загар, а результат излишнего потребления английской морковки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.